

Ekaterina Lukyanova  
Vladymir (Rosja)

### **Межэтнические контакты в сфере регионального топонимикона (на материале Владимирской области)\***

Тенденции последних лет в лингвистической науке наметили новые пути изучения языковых явлений в рамках антропоцентрической парадигмы. При таком подходе интересы исследователей „переключаются с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек и язык в человеке”<sup>1</sup>.

Стоит отметить, что проблема „язык и культура”, „язык и человек” была намечена в языкознании XIX века и рассматривалась в трудах В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Г. Штейнталя, А.А. Потебни и др. учёных. Формирование антропоцентрической парадигмы привело к „развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всём её многообразии”<sup>2</sup>. В рамках антропоцентрической парадигмы лингвистика рассматривает язык как зеркало человека, которое отражает его мировосприятие и его разнообразные отношения с миром. Базовым при этом является понятие языковой картины мира.

Современные представления о языковой картине мира отражены в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей.

Так, согласно взглядам академика Ю.Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая осознаётся всеми носителями языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности, т.е. отражение в языке тех или иных реалий объективного мира, отчасти универсален,

---

\* Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы „Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг., проект „Языковая экзистенциальность XXI века в условиях модернизации современной России: лингвофилософский дискурс”.

<sup>1</sup> В.А. Маслова, *Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений*, Москва 2001, с. 6.

<sup>2</sup> Ibidem, с. 8.

отчасти национально специфичен, и носители разных языков могут видеть мир по-разному, сквозь призму своих языков<sup>3</sup>. Концептуализация действительности – это осмысление человеком известных ему фактов о мире, мысленное конструирование предметов и явлений действительности, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании человека смыслов – концептов. Познавая окружающий мир, человек формирует общие понятия, которые объединяются в систему знаний о мире. Основная часть этих знаний закрепляется в языке значениями конкретных языковых единиц, т.е. одновременно с мыслительной осуществляется языковая концептуализация действительности, результаты которой в своей совокупности составляют языковую картину мира.

В середине XX века изучение топонимикона того или иного региона производилось с позиций структуралистского подхода. Именно в рамках этого подхода было выделено понятие топонимической системы, которую в когнитивном аспекте мы соотносим с понятием топонимической картины мира. Топонимическая картина мира и топонимическая система, согласно Н.Д. Голеву, представляют разные формы бытия: топонимическая картина мира – ментальное, топонимическая система – онтологическое. Таким образом, топонимическая картина мира – это топонимическая система в ее ментальном бытии<sup>4</sup>. Однако неправильно думать, что в работах структуралистского плана лингвисты не обращались к сознанию человека. Примером может служить утвержденный В.А. Никоновым „принцип относительной негативности”, заключающийся в том, что зачастую при номинации берётся не избыток признака географического объекта, а его дефицит<sup>5</sup>. А.В. Суперанская внесла дополнение в традиционное определение топонимической системы: „топонимическая система – это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также способов их соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований”<sup>6</sup>. Однако эти обращения к сознанию носителей языка в работах по топонимике середины XX века были фрагментарными и не носили системного характера.

<sup>3</sup> Ю.Д. Апресян, *Избранные труды*, т. II: *Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва 1995, с. 39.

<sup>4</sup> Н.Д. Голев, Л.М. Дмитриева, *Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблеме когнитивной топонимики)*, [online] <<http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z06.html>>.

<sup>5</sup> В.А. Никонов, *Введение в топонимику*, Москва 1964.

<sup>6</sup> А.В. Суперанская, *Что такое топонимика*, Москва 1984, с. 108.

В соответствии с современной тенденцией к антропоцентризму лингвистической науки, открываются возможности изучения топонимической системы в когнитивном аспекте, который предполагает взгляд на топонимию с позиции человеческого сознания – с позиций восприятия, идентификации и особенностей интерпретации языка и его единиц. „Когнитивная революция» была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире, особенно ярко выраженное в лингвистическом «интерпретационизме»<sup>7</sup>.

При этом подходе к топонимикону возникает иная точка отсчета – языковое сознание носителей языка, в котором и функционируют данные топонимы в их единичности и в их системном существовании. Форма топонимической единицы может быть представлена через ментальные категории, поскольку когнитивная структура производного слова коррелирует с его словообразовательной моделью, являющейся тем каркасом, той прототипической конструкцией, которая затем наполняется конкретным лексическим содержанием. Учитывая при данном подходе центральную позицию активного человеческого сознания, происходит ориентация на процесс создания слова и анализ всего комплекса связанных с этим процессов и условий.

Интересным представляется изучение репрезентации языковой картины мира в региональном топонимиконе, поскольку именно на таком уровне могут быть прослежены специфические национальные особенности концептуализации действительности носителей языка.

В центре внимания настоящей статьи находятся топонимы, отражающие многовековые межэтнические отношения представителей языкового коллектива, ограниченного на современном этапе административной границей Владимирской области.

Межэтнические и межнациональные отношения в различные периоды русской истории, безусловно, нашли отражение в языке, в том числе и в региональной топонимии. На территории Владимирской области проживают представители более десятка национальностей: русские, украинцы, татары, белорусы, армяне, мордва, азербайджанцы, чуваша, цыгане, молдаване, немцы, грузины, марийцы и др. С учётом особого статуса России как многонационального государства, а также государства

---

<sup>7</sup> В.З. Демьянков, *Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода*, „Вопросы языкознания” 1994, № 4, с. 20.

с достаточно богатой историей взаимодействия с соседними этносами и народностями, весьма интересным представляется рассмотрение того пласта владимирской топонимии, как фрагмента общерусской топонимической системы, который отражает разнообразные межэтнические контакты.

Анализ топонимической системы Владимирской области (более 2600 наименований) дает основание говорить о том, что процесс этнического контактирования на территории центральной России имеет сложный и многоступенчатый характер. Несмотря на то, что общее число географических названий, так или иначе характеризующих межнациональные отношения, составляет только около 2% от общего числа единиц, среди них можно выделить два пласта топонимической лексики.

К первому и самому древнему пласту относят так называемую **субстратную топонимию**, под которой понимается язык топонимии всякого населения данной территории, которое предшествовало во времени населению, ныне доминирующему в пределах этой же территории<sup>8</sup>. Субстратные топонимы на территории Владимирской области характеризуют период контактов переселявшихся на эти территории славян с обитавшими здесь финно-угорскими племенами. В конце I тысячелетия нынешний владимирский край стали заселять пришедшие с юга-запада более сильные славянские племена вятичей и кривичей. Под натиском пришельцев часть местных племён переселилась в Поволжье, а большинство населения осталось жить бок о бок со славянскими соседями, которые „завоёвывали эти места не мечом, а сохой”<sup>9</sup>. По прошествии столетий совместного проживания коренное население освоило земледелие, которое уже тогда было основным занятием славян, усвоило язык, обычаи и нравы пришельцев. Однако в языке славян закрепились некоторые элементы языка, на котором разговаривали тогда финно-угорские племена. В основном, это географические названия. Среди таких географических названий следует выделить две группы топонимической лексики. Во-первых, это собственно субстратные топонимы, внутренняя форма которых может быть объяснена только путем этимологического анализа финно-угорских языков. Например: *Судогда*, *Клязьма*, *Сойма* и др. Во-вторых, здесь выделяем топонимы, в основе которых лежат наименования финно-угорских племен. К примеру: *Муром*, *Мещёра* и др.

<sup>8</sup> Г.П. Смолицкая, *Об одном этническом аспекте топонимики*, Москва 1987, с. 23–27.

<sup>9</sup> В.М. Никонов, *Судогда: Историко-краеведческие очерки*, Владимир 1994, с. 16.

Ко второму пласту рассматриваемой топонимической лексики следует отнести **отэтнонимные географические названия**, которые несут информацию об этнической и национальной принадлежности групп людей, населявших именуемые объекты на определенном этапе. От длительной эпохи татаро-монгольского ига остались географические названия типа *Татарово*. Уже в более поздний период появились топонимы, в основе которых – названия народностей, которые населяли российское государство. Например: *Мордвиново*. В обоих случаях принципом номинации становилось обозначение особенности именуемого объекта – большинство населения в нём составляли представители чужого этноса, чужой национальности. При этом в обозначенной группе **отэтнонимных** топонимов можно выделить два вида наименований. Одни из них носят нейтральный характер, что на словообразовательном уровне характеризуется наличием традиционных стилистически нейтральных топоформантов (-ово, -ево, -ино): *Мордвиново, Татарово*. Топонимы, представляющие собой этимологически названия людей по их национальности, тоже следует отнести к данному виду: *Корелы, Мордвины*. Однако географически названия типа *Ляхи* и *Хохлачи* уже составляют второй вид топонимов, характеризующихся яркой эмоционально-оценочной коннотацией. Сюда же следует отнести и топонимы типа *Чувашиха* с суффиксом *-их(а)*, который так же имеет коннотативную окраску.

Таким образом, географические названия обозначенных групп появлялись в те периоды, когда на территории Владимирской области происходило взаимодействие различных народностей: славян и заселявших эти земли угро-финских племен в начальный период, славян и народов-завоевателей во время татаро-монгольского нашествия, русского народа и представителей других наций в более поздний период. Номинация поселения по национальному признаку его жителей актуализирует важный для народного коллектива ориентир „свой – чужой”, который достаточно ярко проявляется в топонимии. Основным же при номинации по национальному признаку становится указание на семантический полюс «чужой» в этой оппозиции, поэтому данные топонимы образованы, по преимуществу, от названий нерусских народностей.

**Streszczenie**

*Kontakty międzyetniczne w sferze regionalnego toponimikonu  
(na materiale obwodu włodzimirskiego)*

W artykule zbadano odzwierciedlenie kontaktów różnych grup etnicznych w regionalnej toponimice. Na przykładzie analizy systemu toponimicznego obwodu włodzimierskiego zostały ujawnione nazwy geograficzne odzwierciedlające kontakty między nacjami w różnych okresach historii tego terytorium (substratowa toponimia pochodząca z okresu kolonizacji przez Słowian terenów zamieszkałych przez plemiona ugrofińskie oraz etnonimiczne nazwy geograficzne informujące o przynależności nacjonalnej grup zamieszkujących te tereny na różnych etapach historii Rosji). Etniczna toponimia aktualizuje ważną dla językowego kolektywu opozycję „swój – obcy”.

**Summary**

*Inter-ethnic contacts within the regional toponymicon  
(the Vladimir region case study)*

The article deals with the question of the interethnic relations reflection on the example of ethnic toponymy. On the basis of the analyzing the toponymical system of Vladimir region the author established the following stratas of geographic names which characterize interethnic relations in different periods of the denoted territory development: substrate toponymy which characterizes the period of contacts between the Slavs and Finno-Ugric tribes and toponyms formed of nationality names inhabited denoted geographical locations in the certain period. Ethnic toponymy actualizes for the people«s collective important point “self – foreign”.